

Фромм Эрих Концепция человека у Маркса filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Фромм Эрих

Концепция человека у Маркса (Избранные главы).
Долгое время имя Эриха Фромма было известно лишь узкому кругу советских читателей. Между тем Э. Фромм – видный мыслитель XX столетия. Его популярность во всем мире и влияние его идей на современное сознание значительны. Не только психоанализ, но и другие философские течения, в том числе экзистенциализм, персонализм, герменевтика, социобиология, впитали в себя духовные приобретения и открытия философа. Он дал импульс развитию гуманистического мышления нашего века. Значителен его вклад в развитие современной этики. Наконец, чрезвычайно продуктивные идеи получила от Фромма политическая философия нашего столетия.

Фромм, безусловно, энциклопедичен и разносторонен. Он обращается к различным культурам, к мифологии и религиозным текстам, к восточной религии и мировой философии. Он стремится переосмыслить исходные установки философии, этики, психологии, культурологии. При этом он никогда не утрачивает своей собственной темы, присущего ему типа рефлексии. Постоянно возвращаясь к идеям, выраженным в его первых работах, Фромм в течение долгой плодотворной жизни обогащал их.

Что же привлекло к его работам столь большое внимание? В чем его собственный вклад в философию? Прежде всего, он выступал как реформатор психоанализа. Фромм – проницательный и глубокий психолог, сумевший раскрыть истоки человеческих страстей, мотивы человеческого поведения. Он придал психоанализу историческое измерение. Анализируя возможности раскрепощения человека, Фромм проявил богатейшее социологическое воображение. Тончайшие механизмы психики он исследовал на фоне многомерного социально-исторического контекста.

В чем проявилось реформаторство Фромма в психоанализе? Прежде всего в том, что, в отличие от Фрейда, философ считал человеческую природу обусловленной главным образом исторически, не преуменьшая при этом роли биологических факторов. Он отказался от установки Фрейда, будто проблема человека может быть правильно сформулирована в терминах противопоставления биологических и культурных факторов.

Фрейд считал, что человек является закрытой системой, вещью в себе. По его мнению, природа наделила человека определенными, биологически обусловленными стремлениями, и развитие личности служит реакцией на удовлетворение или фрустрацию этих стремлений. Фромм же показал, что основной подход к изучению человеческой личности должен состоять в понимании отношения человека к миру, к другим людям, к природе и к самому себе. Согласно его воззрениям, человек изначально социальное существо. Следовательно, ключевая проблема психологии состоит не в раскрытии механизмов удовлетворения или фрустрации отдельных инстинктивных стремлений, а в отношении индивида к миру.

Различие между биологическим подходом Фрейда и социальным мышлением Фромма значительно и радикально. Фрейд понял роль бессознательной психосексуальной энергии в жизни человека. Он справедливо подчеркивал, что она оказывает воздействие на все сферы деятельности личности – и эмоциональную, и интеллектуальную. Согласно же Фромму, фрустрация или эрогенность сами по себе не приводят к закреплению соответствующих установок в личности человека. Значение фантазий и физических ощущений состоит не в наслаждении и не в сублимации этих наслаждений, а в том, что они выражают стоящее за ними специфическое отношение к миру.

Фрейд исходил из глубокого убеждения в порочности человеческой природы. Фромм отверг эту посылку. Он показал, что такие идеалы, как истина, справедливость, свобода, хотя они часто оказываются лишь пустыми словами или рационализациями, могут быть подлинными стремлениями человека. Анализ, который игнорирует эти стремления в качестве динамических факторов, всегда ошибочен.

Создатель психоанализа ограниченно понимал секс, а тем более любовь, нежность. Фромм, в отличие от Фрейда, показывал, что экономические, психологические и идеологические факторы находятся в сложном

Фромм Эрих Концепция человека у Маркса filosoff.org
взаимодействии. Они не являются простым рефлексом сексуальности. Человек реагирует на изменения внешней обстановки тем, что меняется сам. Психологические факторы, в свою очередь, способствуют дальнейшему развитию экономического и социального прогресса.

Известно, что Фромм пытался гуманизировать психоанализ. По его мнению, именно Фрейд стал впервые исследовать личность как некую тотальность. Он открыл особый метод наблюдения за человеком, который позволял анализировать свободные ассоциации, ошибочные действия, символические акты поведения. Вместе с тем психоанализ – не только метод управляемой интроспекции. Его можно считать своеобразной исповедью, когда больной, направляемый специалистом, раскрывает свои мысли, желания, тягостные или предосудительные воспоминания и освобождается, таким образом, от их вредного воздействия. Он дополняется истолкованием и критикой некоторых объективных актов поведения, смысл которых ускользнул от внимания традиционной психологии. В частности, психоанализ дал возможность доказать, что сны имеют смысл. Он даже позволил разгадать этот смысл. В классической древности, как известно, снам придавали огромное значение, считая их предсказаниями будущего.

Современная Фрейду наука изгнала сны в область предрассудков и суеверий, объявила их простым телесным актом, своего рода судорогой глубоко спящей психики. В своей работе *Забытый язык* Фромм обращается к анализу снов и мифов, подчеркивая, что для древних миф играл совсем иную роль, нежели в наши дни. Люди, жившие в развитых цивилизациях Запада и Востока, рассматривали сны и мифы как важнейшее выражение души. Неспособность понимать их оценивалась как неграмотность. Между тем сны – это универсальное явление человеческой жизни. Оценивая обширный арсенал символов, Фромм пытался типологизировать их, создавая реальную основу для сопоставления различных форм забытого языка.

Эти открытия Фромма во многом изменили направленность психоанализа, обеспечили новый виток его развития. Они позволили использовать методологию неотрейдизма для анализа социально-исторической динамики. Философу удалось создать целую галерею социальных типажей и характеров; он пытался осмыслить общественные, политические коллизии века. Вполне естественно, что это привело его к потребности выявить гуманистический потенциал идей К. Маркса.

Фромм раскрыл особенности философско-антропологического мышления Маркса, показав, что для него история человечества – это прежде всего летопись постоянного развития человека и одновременно растущего отчуждения. Весьма перспективно и оригинально истолковывая марксистское учение, американский философ отмечал, что отчужденный человек не только чужд другим людям, он лишен человечности как в естественном, природном, так и в духовном смысле. Такое отчуждение от человеческой сущности ведет к экзистенциальному эгоизму и формулируется как превращение человека в средство своего индивидуального существования. В процессе отчуждения человек в известном смысле лишается даже своего тела и окружающей его природы, а также своего духовного Я, себя самого как человеческого существа.

Фромм показал огромную разницу между взглядами Маркса и воззрениями коммунистов тоталитарного толка. Человечность человека никогда не должна служить лишь средством для государства, класса или нации. Отчуждение ведет к переоценке всех ценностей. Человек является пленником тех политических институтов, которые сам же создал.

Фромм был в числе первых исследователей, обратившихся к диагностике тоталитарного общества, причем не только нацистского, но и казарменносоциалистического. В отличие от многих исследователей, которые считали нацизм случайным отклонением от исторической магистральной, Фромм показал стойкость и воспроизводимость тоталитаризма как политической практики и типа мышления. Предупреждения Фромма содействовали отрезвлению социально-философской и политической мысли, оказали воздействие на изучение феномена деспотии.

Обращаясь к социалистической идее, Фромм задолго до современных прозрений пришел к выводу, что социализм не должен быть обществом заорганизованных, автоматизированных индивидов, каждый из которых подчинен государству, машинам, бюрократии. Даже если бы государство, подчеркивал он, стало бы работодателем в виде абстрактного капиталиста, даже если бы весь

Фромм Эрих Концепция человека у Маркса filosoff.org
общественный капитал был бы сконцентрирован в одних руках (безразлично – одного частного капиталиста либо одного государственного, общественного капиталиста) – все равно такое общество нельзя было бы назвать социалистическим.

Таким образом, в наследии Фромма имеется много оригинальных идей, повлиявших на сознание XX в.: о человеке как едва ли не самом эксцентрическом создании универсума, об исторической обусловленности страстей и переживаний человека, о социальном характере как отражении сплава биологических и культурных факторов, о неизбежности универсального, всепланетного гуманизма. Фромм обосновал возможности разностороннего совершенствования человека как живого, мыслящего и чувствующего существа.

Напомним мысль Фромма: пророк далеко не всегда возглашает нечто новое. Для него существенно другое – верность собственным заповедям. Сам Фромм в обстановке сциентистских увлечений столетия сохранил поразительную верность одной теме-феномену человека. Эта неотступность и оказалась пророческой. Ренессанс антропологического мышления в нашем веке в огромной степени подготовлен работами Эриха Фромма.

О чем бы ни писал Фромм – о бытии, власти, государстве, деспотии, культуре, нации, – собственное рассуждение он начинает с человека. Индивид в определенной ситуации – исторической, социальной, психологической, экзистенциальной – таков исходный пункт его философствования. Соответственно все, что вырастает из подобного размышления, содействует постижению человека как феномена.

Отвергая или исправляя попытки раскрытия тайны человека, осуществленные Л.Фейербахом, К.Марксом, З.Фрейдом, философ разработал целостное учение о человеке как чувствующем, страдающем и мыслящем существе. Человек, его сущность, социальная обусловленность – суть основополагающих принципов миропонимания Фромма. Индивид в нездоровом, больном обществе – это и исследуемая реальность, в которую заброшена личность, и объект социальной критики Фромма. Наконец, предназначение его исследований – поиски путей к обновлению, возрождению, самовыявлению и самореализации человека.

Разумеется, определить Фромма как специалиста в области философской антропологии – задача слишком общая. Персоналистская традиция в европейской философии чрезвычайно многолика. Нашим исследователям, надолго отлученным от антрополого-экзистенциальной линии в философии, не всегда очевидна ее сложность и неоднородность. Многообразие подходов к человеку порою ускользает от нас. Мы толкуем персоналистское течение как нечто нерасчлененное.

Многие философские направления, например экзистенциализм и персонализм, рассматривают человека в качестве основной проблемы философии вообще. Однако интерес к человеку тем не менее обнаруживается по-разному.

Персоналистская философия, обосновывающая суверенитет личности, не может отвлечься от вопросов: каковы собственные пределы человека? в чем он черпает основы нравственности? что питает его волевые импульсы? Она вовсе не стремится к тому, чтобы поставить в центр собственной рефлексии человека. Мир для нее иерархичен. Внутри этой философии Э. Фромм занимает весьма оригинальную позицию. Он превращает человека в меру всех вещей в том смысле, что отвергает все попытки подчинить человека какой-то иной сущности. Не только общество, но и вся Вселенная оцениваются Фроммом через призму человека.

Ни идеализации, ни обожествления человека у Фромма нет. Он вовсе не отвлекается от того, что именно человек создал антигуманное общество, растерзал природу, развил в себе некрофильские тенденции. Американскому философу принадлежит глубокая и весьма последовательная концепция разрушительного в человеке. В этом легко убедиться, если прочитать хотя бы его работы *«Душа человека»*, *«Из плена иллюзий и др.»* Более того, именно Фромму принадлежит оригинальная мысль: история вовсе не стремится очеловечить человека. Напротив, она нередко пытается вытравить в нем истинно человеческое, избрать его природу. Конечно, многие исследователи и до американского ученого обращали внимание на негативные стороны человеческого существа. Но Фромм выступает как последовательный аналитик того зла, которое заключено в человеке. Фромм хорошо знает о падениях человеческой души. Ведь его первая книга *«Бегство от свободы»* (1941) была посвящена

Фромм Эрих Концепция человека у Маркса filosoff.org
тоталитаризму. Теперь, когда человечество прошло через опыт массовых насильственных экспериментов с человеческим материалом, нужно сказать, без преувеличения: история—это также и процесс расчеловечения человека.

Не случайно Фромм принципиально отказывался искать истоки общественного миропорядка, нравственных исканий, человеческих потенций в чем-то ином, нежели в самом человеке. Он едва ли не единственный исследователь в западной философии, кто неуклонно развивает мысль о человеческой сущности как реализации продуктивного, жизнотворного начала. Человек сам по себе не плох и не хорош. Он открыт для самосозидания. Это означает, что его можно соразмерять с самим собой, то есть с нераскрытым человеческим потенциалом. В этом смысле человек может оказаться некоей идеальной меркой не только для самого себя, но и для всей истории. Важно только не отступать от этой антропологической позиции, не приискивать иных трансцендентных критериев для оценки человеческого, кроме как внутри него самого.

В изложении этой идеи Фромм всегда последователен. О чем бы ни зашла речь — о социальной динамике, об исторических ситуациях, о процессе социализации, — Фромм всегда видит перед собой одну и ту же проблему — как раскрывается в данном случае общечеловеческое...

Итак, всякая философская антропология, естественно, начинается с вопроса что такое человек?. Многие мыслители пытались осветить эту тему, перечисляя те или иные уникальные человеческие свойства. Одни считали, что человеческая природа, скажем, обусловлена фактом грехопадения, другие усматривали ее в разумности человека, третьи — в его социальности. Подход Фромма принципиально иной. Он отказывается от конкретного определения человеческой природы, которое сводилось бы к обозначению человеческих задатков. В концепции американского исследователя человеческая природа выступает как философское понятие, некая абстракция.

Фромм полагает, что понятие и сущность человека выражают не качество и не субстанцию, а противоречие, имманентное человеческому бытию. По мнению Фромма, поведение человека нельзя объяснить на основе раскрытия одних только биологических механизмов, извечно присущих людям. Он отвергает также и противоположную точку зрения, согласно которой основные мотивы поведения индивида надо искать в социокультурных факторах. Как полагает ученый, надо избегать изолированного анализа только психологического или только социального. Главные страсти и желания человека, отмечает Фромм, возникают из его всеобщего существования, то есть из уникальной ситуации, в которой вообще оказался человек. По своим физиологическим функциям люди принадлежат к миру животных, существование которых определяется инстинктами и гармонией с природой. Но вместе с тем человек уже отделен от животного мира. И эта его раздвоенность составляет суть психологически окрашенного экзистенциального противоречия.

Проблема сущности человека понимается Фроммом как глубинное экзистенциальное рассогласование. Поступки людей уже не определяются инстинктами. В сравнении с другими животными эти инстинкты у людей слабы, непрочны и недостаточны для того, чтобы гарантировать им существование. Кроме того, самосознание, разум, воображение и способность к творчеству нарушают единство со средой обитания, которое присуще животному существованию. Человек знает о самом себе, о своем прошлом и о том, что в будущем его ждет смерть, о своем ничтожестве и бессилии. Человек остается частью природы, но он неотторжим от нее. Он теперь понимает, что заброшен в мир в случайном месте и времени, осознает свою беспомощность, ограниченность своего существования. Над ним тяготеет своего рода проклятие: человек никогда не освободится от этого противоречия, не укроется от собственных мыслей и чувств, которые пронизывают все его существо. Фромм, отмечает Фромм, это единственное животное, для которого собственное существование является проблемой: он ее должен решить, и от нее никуда не уйти.

Здесь возникает следующая проблема фроммовской философской антропологии. Это вопрос о модусах человеческого существования. Философ формулирует известную дихотомию — Иметь или Быть. Экзистенциальное противоречие позволяет человеку думать о собственном самоосуществлении. Но оно подсказывает и иной выход Иметь, то есть заглушить коллизию человеческого бытия, обратиться к иллюзорному самоуверению.

Обладание представляется нормальной функцией нашей жизни: чтобы жить, мы

Фромм Эрих Концепция человека у Маркса filosoff.org
должны обладать вещами. Более того, мы должны обладать вещами, чтобы получить от них удовольствие. Да и как может возникнуть такая альтернатива в обществе, высшей целью которого является иметь – и иметь как можно больше – и в которой один человек может сказать о другом: Он стоит миллион долларов? При таком понимании, напротив, кажется, что сущность бытия заключается именно в обладании, что человек ничто, если он ничего не имеет. Фромм полагает, что за душу человека борются два принципа – принцип обладания и принцип бытия. Человек должен быть самим собой, развивать присущие ему качества, а не стремиться к стяжательству, к непомерным вожделениям. Тенденция Иметь в конечном счете черпает силу в биологическом факторе, в стремлении к самосохранению. Вторая тенденция – Быть значит отдавать, жертвовать собой – обретает силу в специфических условиях человеческого существования. Эти рассуждения Фромма приобретают сегодня особую значимость и актуальность.

Фромм постулирует вечность экзистенциального поиска. Так, в философском наследии ученого возникает множество бытийственных человеческих проблем: любовь, свобода, власть, смерть. Содержанием человеческой истории, по Фромму, является стремление людей обрести самих себя, реализовать те потребности, которые порождены распадением прежних, изначально целостных связей. Однако конкретно сложившееся общество, та или иная форма социального общежития мешает полному воплощению человеческих потенций. На протяжении длительной истории человечества разум, воля, эмоции людей не получали и не могли получить адекватного самовыявления. Общество не содействовало реализации глубинных потребностей, а, напротив, стесняло их или направляло в ложное русло.

Но каковы эти глубинные человеческие потребности, описанные в представленных нами текстах? Это потребность человека в общении, в межличностных узах, в творчестве как в одной из значимых интенций человека, в ощущении глубоких корней, гарантирующих прочность и безопасность бытия, стремление к уподоблению, к познанию, освоению бытия.

Фромм был бы, по-видимому, вполне традиционным философским антропологом, если бы ограничился рассмотрением проблем человеческой сущности, модусов человеческого существования, человеческих потребностей. Но американский философ был крупным представителем неофрейдизма. В его книгах содержится огромный эмпирический материал, раскрывающий глубинные проявления человеческого поведения. Как совместить, скажем, рассуждения Фромма об изначальных человеческих потребностях с анализом авторитарности, разрушительности человека? Иначе говоря, как, стремясь к познанию, творчеству, человек парадоксальным образом отрекается от свободы, самостоятельности и ищет возможности подчинить себя власти безропотно и окончательно?

Фромм разъясняет: по отношению к индивиду общество может выполнять различные функции – содействовать раскрытию потенциальных способностей человека, его потребностей или деформировать эти внутренние побуждения, придавать им искаженную форму. Во-первых, человек утрачивает контакт с самим собой, в результате чего возникает феномен деперсонализации. Во-вторых, его отношения с другими людьми приобретают функциональный, овеществленный характер. Картина всеобщей отчужденности, развернутая Фроммом, не представляется в наши дни ни абстрактной, ни утопической, ни преувеличенной. Человек, по мнению Фромма, подчинен не только вещному миру. Общественные и политические обстоятельства, которые создает человек, подчиняют его себе. Отчужденный человек, который верит, что он господствует над природой, становится рабом вещей и обстоятельств, беспомощным придатком в мире, который сам есть не что иное, как застывшее (опредмеченное) выражение его собственных сил. Сегодня, как полагает Фромм, запуганное человечество со страхом ждет, удастся ли ему спастись или оно попадет под иго созданной им бюрократии. Разве можно не вдуматься в предостережение Фромма о том, что в информационном обществе может вообще исчезнуть проблема свободы человека, его ответственности, ибо этот мир, если он будет выкроен по меркам технократического мышления, перестанет быть человеческим?

Процесс социализации, по мнению Фромма, начинается уже с того мгновения, когда индивид проявляет себя и свое отношение к людям через формы человеческих отношений. Развитие той или иной формы общения приводит к формированию общественного характера (эта категория введена Э. Фроммом), то есть стабильной и четко выраженной системы ориентации. Соответственно пяти способам социализации (мазохизм, садизм, деструктивизм, конформизм и

Фромм Эрих Концепция человека у Маркса filosoff.org
любовь) возникают способы адаптации к социуму – рецептивный, эксплуатирующий, накопительский, рыночный, продуктивный. На основе этого Фромм разрабатывает свою характерологию, придавая ей еще большее значение, чем Юнг. Он подчеркивает, что чем дальше развивался психоанализ, тем становилось яснее, что невротический характер можно понять только через невротический характер. Новая, создаваемая психоанализом характерология, по мнению Фромма, крайне необходима для развития этической теории. Предметом этического исследования все чаще становятся не отдельные пороки и добродетели, а добродетельный или порочный характер.

Фромм стремится анализировать сложные социальные явления, вскрывая изначальные психические потребности человека, вырастающие на этой основе типы общения, типы ориентации и всякого рода патологические смещения. От причудливых светотеней психики он продвигается к описанию человеческих социальных типов. Философская антропология Фромма включает в себя психоаналитические, экзистенциальные, собственно антропологические, марксистские идеи. Она открыта также для древней мистической традиции, для восточного оккультизма. Исходные позиции философа не претерпевают существенных изменений. Доминанта философской рефлексии Фромма – мучительное и напряженное постижение тайны человека. Л.Шпионский.

I. МАРКС И ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ЕГО МЫСЛЕЙ. Ирония истории состоит в том, что, несмотря на доступность источников, в современном мире нет предела для искажений и неверных толкований различных теорий. Самым ярким примером этого рода является то, что сделано в последние десятилетия с учением К. Маркса. В прессе, литературе и речах политических деятелей постоянно упоминается Маркс и марксизм, так же как в книгах и статьях известных философов и социологов. Создается впечатление, что ни политики, ни журналисты ни разу не прочли ни единой Марксовой строчки, а социологи и общественные деятели довольствуются минимальными знаниями текстов Маркса. И при этом они явно чувствуют себя совершенно уверенно, ибо никто из влиятельных в этой области людей не высказывает недоумения по поводу их сомнительных, невежественных заявлений. Самым распространенным заблуждением является идея так называемого материализма Маркса, согласно которой Маркс якобы считал главным мотивом человеческой деятельности стремление к материальной (финансовой) выгоде, к удобствам, к максимальной прибыли в своей жизни и жизни своего рода. Эта идея дополняется утверждением, будто Маркс не проявлял никакого интереса к индивиду и не понимал духовных потребностей человека: будто его идеалом был сытый и хорошо одетый бездушный человек. Одновременно Марксова критика религии отождествляется с отрицанием всех духовных ценностей (ибо духовность понимается этими интерпретаторами как вера в Бога). Исходя из вышеприведенных предположений, социалистический рай Маркса преподносится нам как общество, в котором миллионы людей подчинены всемогущей государственной бюрократии; как общество людей, которые отдали свою свободу в обмен на равенство; это люди, которые удовлетворены в материальном смысле, но утратили свою индивидуальность и превратились в миллионы роботоподобных автоматов, управляемых маленькой, материально более обеспеченной элитой. Следует отметить сразу, что это расхожее представление о Марксовом материализме совершенно ошибочно. Цель Маркса состояла в духовной эмансипации человека, в освобождении его от уз экономической зависимости, в восстановлении его личной целостности, которая должна была помочь ему отыскать пути к единению с природой и другими людьми. Философия Маркса на нерелигиозном языке означала новый радикальный шаг вперед по пути пророческого мессианства, нацеленного на полное осуществление индивидуализма, то есть той цели, которой руководствовались все западное общественное мышление со времен Возрождения и Реформации и до середины XIX в. Такое представление, вероятно, шокирует многих читателей. Но прежде чем перейти к доказательству, я хочу еще раз подчеркнуть, в чем состоит ирония истории: она состоит в том, что обычно описание Марксовых целей и его идеи социализма, как две капли воды, совпадает с современным западным капиталистическим обществом: поведение большинства людей мотивировано материальной выгодой, комфортом и растущим потреблением. Рост потребностей безграничен, он сдерживается лишь чувством безопасности и стремлением избежать риска. Люди достигли такой степени конформизма, который в значительной мере нивелирует индивидуальность. Они превратились, по Марксовой терминологии, в беспомощный человеческий товар на службе у сильных и самостоятельных машин. Фактическая картина капитализма середины XX в. совпадает с карикатурой на марксистский социализм, как его рисуют его противники. Еще более удивительно, что люди, которые обвиняют Маркса в материализме, сами критикуют социализм за отрыв от реальности, за то, что

Фромм Эрих Концепция человека у Маркса filosoff.org
он не признает, что единственным стимулом человека к труду является материальная выгода. Я попытаюсь доказать, что такая интерпретация Маркса ошибочна: 1) в марксистской теории нет такого положения, что главным мотивом человеческой деятельности является материальная выгода; 2) истинная цель Маркса состояла в освобождении человека от давления экономической нужды, с тем чтобы он мог – и это главное – развиваться как человек (сформировать себя как гармоничную личность). То есть главная забота Маркса – освободить человеческую личность, помочь человеку преодолеть утраченную гармонию с природой и другими людьми; 3) философия Маркса – это скорее духовный экзистенциализм (на секуляризованном языке), и именно ввиду своей духовной сущности он не совпадает, а противостоит материалистической практике и материалистической философии нашего века. Как это стало возможно, что философия Маркса оказалась искажена до неузнаваемости, до своей полной противоположности? Для этого есть несколько причин. И первая из них – это чистое невежество. Дело в том, что материализм не изучается в университетах, не подвергается ни анализу, ни критике. Поэтому многие, вероятно, считают, что им предоставлено полное право говорить об этом все, что взбредет на ум, без всякого знания дела. Каждый считает себя вправе говорить о Марксе, не прочтя ни единой его строчки или хотя бы того минимума, который необходим, чтобы разобраться в сложной системе его мыслей и идей. Кстати, одна из главных работ Маркса по проблеме отчуждения и эмансипации до 1959 г. вообще была неизвестна англоязычной публике (Экономическо-философские рукописи 1844 года). Вторая причина состоит в том, что русские коммунисты присвоили себе марксистскую теорию и попытались убедить мир, что они в своей теории и практике являются последователями Маркса. И хотя на деле все обстоит как раз наоборот. Запад согласился с их пропагандистским тезисом о соответствии русской теории и практики идеям Маркса. Но не только русские коммунисты виноваты в фальсификации Маркса. Мысль о том, что Маркс отстаивал идеи экономико-гедонистского материализма, разделяется многими антикоммунистами и реформ-социалистами. Причины этого нетрудно отыскать. Хотя теория Маркса представляет собой критику капитализма, многие ее сторонники сами были так сильно пропитаны капиталистическим духом, что они наполняли логику рассуждений Маркса экономическими и материалистическими понятиями, которые распространены в современном капитализме. Это факт, что советские коммунисты и реформ-социалисты считают врагами капитализма, но сами они понимают коммунизм (или социализм) именно в духе капитализма. Для них социализм – это не такое общество, которое к о р е н н ы м о б р а з о м отличается от капитализма (с точки зрения проблемы человека), а скорее это некая форма капитализма, в которой на вершине социальной лестницы оказался рабочий класс; для них социализм – это, по ироническому выражению Энгельса, современное общество, но без его недостатков. Я назвал логические, рациональные причины искажений Маркса. Однако существуют еще причины иррационального характера. На протяжении многих лет Советский Союз считается абсолютным воплощением всякого зла, поэтому его идеи носят отпечаток дьявольщины. Как в 1917 г. слова кайзера и гунны стали воплощением всемирного зла (а все немецкое, включая музыку Моцарта, попадало в этот чертов круг), так сегодня это место заняли русские коммунисты, и поэтому их доктрину никто не способен изучать объективно. Причиной этой ненависти обычно называют террор эпохи сталинизма. Однако есть серьезные основания для того, чтобы усомниться в искренности подобных объяснений: ведь аналогичные террористические акции и бесчеловечность французов в Алжире, Трухильо в Сан-Доминго, Франко в Испании и так далее не вызвали к жизни подобного морального разоружения. И далее: смена сталинской системы террора хрущевским реакционно-политическим государством не привлекла к себе достаточного внимания Запада.... Все это дает нам основание задуматься, а не коренятся ли антироссийские настроения в морально-гуманистических чувствах, в том ощущении, что система, которая не знает частной собственности на средства производства, является бесчеловечной и опасной. Трудно сказать, какой из вышеназванных факторов несет максимальную ответственность за искажение марксистской философии. Наверное, в разное время один – больше, другой – меньше, а может быть, все вместе ... ..

III. ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ, СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ И НАСИЛИЯ. В процитированном отрывке поднята чрезвычайно важная проблема: проблема человеческого сознания. Главный тезис: Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. Более полное изложение проблемы сознания Маркс дает в Немецкой идеологии: И так, дело обстоит следующим образом: определенные индивиды, определенным образом занимающиеся производственной деятельностью, вступают в определенные

Фромм Эрих Концепция человека у Маркса filosoff.org
общественные и политические отношения. Эмпирическое наблюдение должно в каждой отдельном случае – на опыте и без всякой мистификации и спекуляции – вскрыть связь общественной и политической структуры с производством. Общественная структура и государство постоянно возникают из жизненного процесса определенных индивидов – не таких, какими они могут казаться в собственном или чужом представлении, а таких, каковы они есть в действительности, т. е. как они действуют, материально производят и, следовательно, как они действительно проявляют себя в определенных материальных, не зависящих от их произвола границах, предпосылках и условиях. Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением материального отношения людей. То же самое относится к духовному производству, как оно проявляется в языке политики, законов, морали, религии, метафизики и т. д. того или другого народа. Люди являются производителями своих представлений, идей и т. д., – но речь идет о действительных, действующих людях, обусловленных определенным развитием их производительных сил и – соответствующим этому развитию – общением, вплоть до его отдаленнейших форм. Сознание никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием, а бытие людей есть реальный процесс их жизни. Если во всей идеологии люди и их отношения оказываются поставленными на голову, словно в камере-обскуре, то и это явление точно так же проистекает из исторического процесса их жизни, – подобно тому как обратное изображение предметов на сетчатке глаза проистекает из непосредственно физического процесса их жизни. Прежде всего следует заметить, что Маркс, как Спиноза, а позднее и Фрейд, считал, что большая часть осознанных идеологических мыслей является ложным сознанием, идеологией и рационализацией, а подлинные глубинные мотивы поведения человеком не осознаются. По Фрейду, они коренятся в сексуальных влечениях, по Марксу – в организации самой социальной системы, которая направляет сознание человека в определенное русло, в то время как целый ряд фактов и явлений остается за пределами сознания. Я хотел подчеркнуть, что эта теория вовсе не утверждает, будто идеи или идеалы не обладают реальностью и действительной силой. Маркс говорит об осознании, а не об идеалах. Именно слепота осознанного (сознательного) мышления человека мешает ему понять свои подлинные потребности и коренящиеся в них идеалы. Только тогда, когда ложное сознание превратится в истинное сознание, то есть только тогда, когда мы поймем, осознаем реальность, вместо того чтобы исказить ее путем фикции и рационализации, мы сможем осознать наши действительные и истинно человеческие потребности. Следует заметить, что для Маркса сама наука и все живущие в человеке способности являются частью производительных сил, которые находятся во взаимодействии с силами природы. Маркс вовсе не закрывал глаза на большую роль идей в человеческом развитии, как это ему приписывают популяризаторы его учения. Маркс выступал не против идей вообще, а лишь против идей, которые не берут свое начало в социальной реальности и которые, по выражению Гегеля, означают лишь реальную возможность. Прежде всего он никогда не забывал, что не только обстоятельства делают человека, но и сам человек создает обстоятельства. Я приведу цитату, категорически опровергающую мнение всех тех интерпретаторов марксизма, которые заявляют, будто Маркс (как и многие философы-просветители, а также многие социологи современности) отводил человеку в историческом процессе пассивную роль или считал его пассивным объектом, подчиненным обстоятельствам. Маркс писал: Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания, – это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан. Оно неизбежно поэтому приходит к тому, что делит общество на две части, одна из которых возвышается над обществом (например, у Роберта Оуэна). Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как революционная практика. Понятие революционная практика подводит нас к одному много трудному и широко оспариваемому понятию марксистской философии – к понятию н а с и л и е. Характерно, что западные демократии испытывают негодование против теории, которая утверждает, что общественный строй можно сменить путем насильственного захвата политической власти. Но ведь мысль о политической революции, совершаемой с помощью насилия, родилась вовсе не в марксизме, скорее можно утверждать, что это идея, которой решительным образом руководствовались как раз буржуазное общество на протяжении последних трех столетий. Западная демократия – это наследница великой английской,

Фромм Эрих Концепция человека у Маркса filosoff.org
французской и американской революций, русская революция февраля 1917 г. и немецкая революция 1918 г. в свое время горячо приветствовались Западом, несмотря на то что они были совершены с применением насилия. Так что возмущение современного Запада против применения насилия явно зависит от того, кто применяет силу и против кого ее направляет. Само собой понятно, что любая война основана на насилии, самое демократическое правительство опирается на принцип силы, который позволяет большинству выступить против меньшинства, если этого требуют интересы сохранения статус-кво. Только с пацифистской точки зрения можно оправдать негодование против любого применения насилия: то есть либо с позиции, что насилие – это вообще всегда абсолютно несправедливое дело, либо из убеждения, что оно никогда не может привести к лучшему (не считая случая непосредственной самообороны). Следует заметить, что, хотя Марксова теория насильственной революции лежит в русле буржуазной традиции (исключая Англию и США), Маркс делает значительный шаг вперед в своей теории по сравнению с буржуазными теоретиками насилия. Этот прогресс марксистского взгляда на применение силы коренится во всей его теории исторического процесса. Маркс видел, что никакая политическая сила не может вызвать к жизни ничего принципиально нового, если оно не подготовлено. в недрах общественного и политического развития (того или иного общества). И следовательно, насилие (если оно вообще необходимо) играет роль, так сказать, последнего толчка в развитии, которое в основном уже состоялось само собой. По этому поводу он говорит, что насилие – это повивальная бабка всякого старого общества, которое обременено новым. Большой заслугой Маркса, признаваемой им самим, является как раз то, что он перешагнул через традиционные буржуазные воззрения, – он не верил в творческую способность насилия, не брал на вооружение мысль, будто политическое насилие само по себе может обеспечить новый социальный строй. А потому насилие играло в глазах Маркса лишь в высшей степени временную роль, а вовсе не роль элемента, обязательного и постоянно действующего при переустройстве общества. . . . .

V. ОТЧУЖДЕНИЕ. Невозможно составить себе полное представление о деятельном, творческом человеке, который своими руками создает и осваивает предметный мир, без понятия отрицание продуктивности, или отчуждение. Для Маркса история человечества это история постыдного развития человека и одновременно растущего отчуждения. По Марксу, социализм означает освобождение от отчуждения, возврат человека к себе самому, его самореализацию. Отчуждение, по Марксу, означает, что человек в своем освоении мира не узнает себя самого как первоисточник, как творца, а мир (то есть природа, вещи, другие люди и сам он) кажется ему чужим, посторонним по отношению к нему. Они, как предметы, ему противостоят, хотя могли бы быть созданы им самим. Отчуждение означает восприятие мира (и себя самого) пассивно, разорванно, в отрыве субъекта от объекта. В западной культуре идея отчуждения уходит корнями в ветхозаветные легенды о служении идолам; она же проявляется в заповеди: не сотвори себе кумира . То, что в устах пророков называлось служением идолам, – это не замена одного Бога многими божками. Идолы – это вещи, это творение человеческих рук, человек же преклоняет колени и молится вещам, то есть тому, что сам он создал своими руками. И в этом своем акте человек сам превращается в вещь. Он переносит атрибуты своей собственной жизни на созданные им вещи и, не видя себя в качестве творца, и к себе самому относится как к существу, зависящему от молитвы, как к игрушке в руках Божьих. Человек выступает как существо подчиненное, лишенное своих жизненных сил, богатства своих возможностей . В Ветхом завете сказано о безжизненности и пустоте идолов: есть у них глаза, но не видят; есть у них уши, но не слышат... (Пс.113). Чем больше человек возносит своего кумира, приписывая ему свою собственную силу и мощь, тем слабее он становится, тем сильнее его зависимость от идолов. Идолом может стать фигурка-талисман, икона или другое изображение Бога, церковь, государство, имущество. Служение идолам допускает изменение предмета поклонения. Это служение всегда есть обожествление того, во что сам человек вложил свое творчество и затем забыл об этом и воспринимает свой продукт как нечто стоящее над ним. Самые распространенные примеры отчуждения мы встречаем в языке. Если я выражаю словами какое-либо чувство, например говорю: Я люблю тебя, то это слово должно быть указанием на реальность, на то, что во мне живет, то есть должно показывать силу моего чувства. Слово любовь произносится как символ факта любви; когда оно произнесено, оно имеет склонность к самостоятельности, становится реальностью. Я воображаю, что произнесение слова – это то же самое, что и переживание любви, ведь очень скоро я говорю это слово и уже ничего не чувствую, кроме мысли любовь, которая словом этим обозначена. Отчуждение в языке иллюстрирует всю сложность проблемы отчуждения в целом. Язык –

Фромм Эрих Концепция человека у Маркса filosoff.org
драгоценнейшее достижение человечества, и было бы безумием прийти к выводу, что во избежание отчуждения следует воздерживаться от разговоров.. Но при этом человек должен всегда сознавать опасность сказанного слова, угрозу того, что слово займет место живого переживания. И это же относится ко многим другим достижениям человечества: к идеям, искусству, различного рода вещам и любым рукотворным изделиям. Они – продукт труда. Человек – их творец, они нужны ему для жизни. И в то же время каждое из этих завоеваний – ловушка, если дело дойдет до того, что они способны стать в жизни самоцелью, коль скоро место жизни занимают вещи, место естественных переживаний – искусственность, место чувства свободы – подчинение. Мыслители XVIII и XIX вв. критиковали свои эпохи за возрастающую косность, пустоту и отсутствие жизни. Та же мысль о творчестве, которая встречается у Спинозы, Гегеля и Маркса, является краеугольным камнем и у Гете. В одной из бесед с Эккерманом Гете утверждает: Божественность доступна лишь живому, а не мертвому; она проявляется в нарождающемся и изменяющемся, а не в остановившемся и застывшем. Поэтому в своем стремлении к божественному началу дух как разум-откровение имеет дело лишь с возникающими живым, а дух как разум-понимание имеет дело с уже устоявшимся и застывшим, но приносящим пользу. Подобную же критику мы встречаем у Шиллера, Фихте, а затем и у Гегеля и Маркса, который высказал общую мысль, что в его время существует истина без страсти и страсть без правды. Вся экзистенциалистская философия, начиная с Кьеркегора, по словам Пауля Тиллиха, – это вековое движение протеста против обезчеловечения человека в индустриальном обществе. И действительно, в атеистическом словаре понятие отчуждение эквивалентно слову грех на языке деистов: отказ человека от себя самого, от Бога в себе самом. Понятие отчуждение было внесено в философию Гегелем. Для него история человека была одновременно и историей человеческого отчуждения. В философии истории он писал, что то, к чему действительно стремится дух, есть осуществление его представлений, но пока это происходит, дух скрывает эту цель от своей сущности и, предаваясь этому отчуждению от себя самого, становится горд и доволен собой. Для Маркса, как и для Гегеля, понятие отчуждения базируется на разнице между сущностью и существованием, на том факте, что человеческое существование удалено (отчуждено) от его сущности, что человек в действительности представляет собой совсем не то, что он есть в потенции, или, иначе говоря, что он есть не то, чем он должен стать и чем может стать. Для Маркса процесс отчуждения происходит в труде и разделении труда. Труд для него – это живая связь человека с природой, сотворение нового мира, включая сотворение себя самого (разумеется, интеллектуальная деятельность, искусство, как и физическая деятельность, – также труд). Но с развитием частной собственности и разделением труда труд утрачивает характер выражения человеческих творческих сил. Труд и продукты труда приобретают самостоятельное бытие, независимо от воли и планов человека. ...Предмет, производимый трудом, его продукт, противостоит труду как некое чуждое существо, как сила, не зависящая от производителя. Продукт труда есть труд, закрепленный в некотором предмете, овеществленный в нем, это есть опредмечивание труда. Труд становится отчужденным, ибо он перестает быть частью природы рабочего, и поэтому рабочий в своем труде не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не развивает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свои духовные силы. Поэтому рабочий только вне труда не чувствует себя оторванным от самого себя. Поэтому в процессе производства рабочий относится к своей собственной деятельности как к чему-то чуждому, ему не принадлежащему. Деятельность выступает здесь как страдание, сила – как бессилие, зачатие – как оскопление, собственная физическая и духовная энергия рабочего, его личная жизнь (ибо что такое жизнь, если она не есть деятельность?) – как повернутая против него самого, от него не зависящая, ему не принадлежащая деятельность. До тех пор, пока человек испытывает к себе такое отчуждение, одновременно и продукт труда превращается в чуждую ему силу, стоящую над ним. В это же самое время все его отношение к чувственному внешнему миру превращается в такое же отчужденное: человек воспринимает этот мир как чужой, враждебный, возвышающийся над ним. Маркс акцентирует два момента: 1. В процессе труда (и особенно в условиях капитализма) человек не сознает своих собственных творческих сил; 2. Предмет труда есть поэтому опредмечивание родовой жизни человека: человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно, и созерцает самого себя в созданном им мире. Даже среди социалистов по этому поводу бытует широко распространенное заблуждение относительно взглядов Маркса. Многие считают, что Маркс говорит преимущественно об экономической эксплуатации рабочего и о том факте, что его участие в присвоении продуктов производства не так значительно, как это должно быть, либо о том, что продукт вообще должен был

Фромм Эрих Концепция человека у Маркса filosoff.org
бы принадлежать рабочему, а не капиталисту. Но, как я уже говорил, по мнению Маркса, коллективный капиталист, государство-капиталист, несколько не лучше капиталиста-индивидуала. Даже равенство дохода здесь не является для Маркса первостепенным. Главное, что его волнует, – освобождение человека от такой формы труда, которая разрушает его личность, от такого труда, который превращает человека в вещь, который делает его рабом вещей. В данном вопросе Маркса, как и Кьеркегора, волновала проблема спасения личности. Его критика капитализма направляется не против способа распределения доходов, а против способа производства, против разрушения личности и обращения ее в раба (причем не капиталист превращает рабочего в раба, но и рабочий, и капиталист превращаются в рабов посредством тех вещей и обстоятельств, которые они сами создают). Маркс идет еще дальше: в процессе неотчужденного труда человек реализует себя не только как индивид, но и как родовое существо. Для Маркса, как и для Гегеля и других мыслителей Просвещения, каждый индивид олицетворяет собою вид, род, человечество в целом, универсального человека: развитие человека ведет, по их мнению, к разворачиванию его неограниченных человеческих возможностей. Поэтому именно в переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как родовое существо. Это производство есть его деятельная родовая жизнь. Благодаря этому производству природа оказывается его производением и его действительностью. Предмет труда есть опредмечивание родовой жизни человека: человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно, и созерцает самого себя в созданном им мире. Поэтому отчужденный труд отнимает у человека его родовую жизнь, его действительную родовую предметность, а то преимущество, которое человек имеет перед животным, превращается для него в нечто отрицательное, поскольку у человека отбирают его неорганическое тело, природу. Подобным же образом отчужденный труд, принижая самостоятельность, свободную деятельность до степени простого средства, тем самым превращает родовую жизнь человека в средство для поддержания его индивидуального существования. Маркс предполагал, что отчуждение имеет глубокую историю, но достигает своего апогея в капиталистическом обществе. И что рабочий класс – это наиболее отчужденный класс. Эта мысль исходит из предположения, что рабочий, не принимая участия в решениях, выступая придатком машины и попадая в зависимость от капитала, превращается в вещь (товар). Отсюда Маркс делал вывод, что эмансипация общества от частной собственности и т. д., от кабалы, выливается в политическую форму эмансипации рабочих, причем дело здесь не только в их эмансипации, ибо их эмансипация включает в себе общечеловеческую эмансипацию; и это потому, что кабала человечества в целом заключается в отношении рабочего к производству и все кабальные отношения суть лишь видоизменения и следствия этого отношения. Еще раз следует подчеркнуть, что Маркс не ограничивал свою цель освобождением рабочего класса, а мечтал об освобождении человеческой сущности путем возвращения всем людям неотчужденного и, таким образом, свободного труда, об обществе, которое живет ради человека, а не ради производства товаров и в котором человек перестает быть уродливым недоноском, а превратится в полноценно развитое человеческое существо. Идея Маркса об отчуждении продукта труда содержится в Капитале, в понятии фетишизация товара. Капиталистический способ производства превращает отношения людей в отношения по поводу качества вещей, отношения людей опредмечиваются и это превращение составляет суть самой природы товарного производства. Это и не может быть иначе при таком способе производства, когда механизм производства приспосабливается к с л а б о с т и человека, чтобы затем с л а б о г о человека превратить в механизм. Отчуждение труда в современном производстве куда сильнее, чем во времена ремесленничества и мануфактуры, где человек сам использует орудия труда. На фабрике же рабочий служит машине. Раньше от него шло все движение средств труда и он сам должен был за ними следить, ибо в мануфактуре рабочие составляют звенья единого живого механизма. На фабрике существует один мертвый механизм, независимый от человека, а люди приставляются к нему, как живые винтики. Для понимания Марксовой концепции в целом чрезвычайно важно уяснить, в какой мере понятие отчуждения составляло всегда доминанту его сознания: в молодые годы (в Экономическо-философских рукописях) и в зрелые годы, когда он писал Капитал. Эту преемственность нетрудно доказать цитатами из обеих работ. Так, Маркс пишет: Этот факт выражает лишь следующее: предмет, производимый трудом, его продукт, противостоит труду как некое чуждое существо, как сила, не зависящая от производителя. Продукт труда есть труд, закрепленный в некотором предмете, овеществленный в нем, это есть опредмечивание труда. Осуществление труда есть его опредмечивание. При тех порядках, которые предполагаются политической экономией, это осуществление труда, это его претворение в действительность выступает как выключение рабочего из

Фромм Эрих Концепция человека у Маркса filosoff.org
действительности, опредмечивание выступает как утрата предмета и
закабаление предметом, освоение предмета – как отчуждение . И в Капитале
Маркс пишет, что внутри капитализма как системы осуществляются все методы
повышения производительности труда в общественном производстве за счет
отдельного рабочего; все эти средства превращаются в средства подавления и
эксплуатации производителя, они превращают рабочего в частичного человека,
придавок машины... то есть отнимают у него его духовные, его творческие
силы. Итак, роль частной собственности (в смысле собственности на капитал,
покупающий наемный труд) и отчуждающая функция этой собственности были ясны
Марксу еще в молодые годы. ...Частная собственность есть продукт,
результат, необходимое следствие отчужденного труда, внешнего отношения
рабочего к природе и к самому себе. Таким образом, к частной собственности
мы приходим посредством анализа понятия отчужденного труда, т.е.
отчужденного человека, отчужденной жизни . Человек подчинен не только
вещному миру, но и о б щ е с т в е н н ы е и политические обстоятельства,
которые он сам создает, подчиняют его себе. Отчужденный человек, который
верит, что он господствует над природой, становится рабом вещей и
обстоятельств, беспомощным придатком в мире, который сам есть не что иное,
как застывшее (опредмеченное) выражение его собственных сил. Для Маркса
отчуждение в процессе труда – отчуждение от продукта труда и от условий
труда – неразрывно связано с отчуждением человека от себя самого, от других
людей и от природы. Непосредственным следствием того, что человек отчужден
от продукта своего труда, от своей жизнедеятельности, от своей родовой
сущности, является отчуждение человека от человека . Отчужденный человек не
только чужд другим людям, он лишен человечности, как в естественном,
природном, так и в духовном смысле. Такое отчуждение от человеческой
сущности ведет к экзистенциальному эгоизму, которым Маркс определяет
превращение человека в средство своего индивидуального существования. В
отчужденном труде человек лишается даже своего тела и окружающей природы, а
также своего духовного Я, себя самого как ч е л о в е ч е с к о г о
существа. Здесь Маркс затрагивает кантовский принцип, который гласит, что
человек всегда должен быть сам себе целью и никогда не может быть средством
достижения цели. Но Маркс разворачивает этот принцип дальше, утверждая, что
человеческое существо не должно превращаться в средство не только чужих
целей, но и даже в средство своего индивидуального бытия. Трудно более
четко выразить разницу между взглядами Маркса и воззрениями коммунистов
тоталитарного толка. Жизнь человека, по Марксу, не должна стать с р е д с т
в о м даже его индивидуального бытия; ну а если человека рассматривают как
средство обеспечения бытия класса, нации или с р е д с т в о государства?
Тогда как? Отчуждение ведет к переоценке всех ценностей. Если человек
считает высшей целью доход, труд и экономию, трезвость и прочее, он
упускает из виду подлинно моральные ценности: богатство чистой совести,
добродетели. В состоянии отчуждения каждая сфера жизни не связана с другими
(экономика с моралью и т. д.). И это специфическая особенность царства
отчуждения, где каждый вращается в кругу своей собственной отчужденности и
никого не трогает отчужденность других людей (чужая боль). Маркс понял, что
происходит с человеческими потребностями в мире отчуждения, и он с
удивительной прозорливостью предсказал финал этого процесса, который стал
очевиден лишь сегодня. В то время как в социалистических идеях главное
значение должно иметь богатство человеческих потребностей и отсюда – новый
способ производства и новые предметы производства являются новым
подтверждением человеческой силы и новым обогащением человека как такового,
в капиталистическом мире потребности не являются выражением скрытых
человеческих потенций, это не ч е л о в е ч е с к и е потребности; при
капитализме все обстоит совсем по-другому. Каждый человек старается
пробудить в другом какую-нибудь новую потребность, чтобы вынудить его
принести новую жертву, поставить его в новую зависимость и толкнуть его к
новому виду наслаждения, а тем самым и к экономическому разорению. Каждый
стремится вызвать к жизни какую-нибудь чуждую сущностную силу,
господствующую над другим человеком, чтобы найти в этом удовлетворение
своей собственной своекорыстной потребности. Поэтому вместе с ростом массы
предметов растет царство чуждых сущностей, под игом которых находится
человек, и каждый новый продукт представляет собой новую возможность
взаимного обмана и взаимного ограбления. Вместе с тем человек становится
все беднее как человек, он все в большей мере нуждается в деньгах, чтобы
овладеть этой враждебной сущностью, и сила его денег падает как раз в
обратной пропорции к массе продукции, т. е. его нуждаемость возрастает по
мере возрастания власти денег.– Таким образом, потребность в деньгах есть
подлинная потребность, порождаемая политической экономией, и единственная
потребность, которую она порождает.– Количество денег становится все в
большей и большей мере их единственным могущественным свойством; подобно

Фромм Эрих Концепция человека у Маркса filosoff.org

тому как они сводят всякую сущность к ее абстракции, так они сводят и самих себя в своем собственном движении к количественной сущности. Безмерность и неумеренность становятся их истинной мерой. Даже с субъективной стороны это выражается отчасти в том, что расширение круга продуктов и потребностей становится изобретательным и всегда расчетливым рабом нечеловечных, рафинированных, не естественных и надуманных вождлений. Частная собственность не умеет превращать грубую потребность в человеческую потребность. Ее идеализм сводится к фантазиям, прихотям, причудам, и ни один евнух не льстит более низким образом своему повелителю и не старается возбудить более гнусными средствами его притупившуюся способность к наслаждениям, чтобы снискать себе его милость, чем это делает евнух промышленности, производитель, старающийся хитростью выудить для себя гроши, выманить золотую птицу из кармана своего христиански возлюбленного ближнего (каждый продукт является приманкой, при помощи которой хотят выманить у другого человека его сущность - его деньги; каждая действительная или возможная потребность оказывается слабостью, которая притянет муху к смазанной клеем палочке; всеобщая эксплуатация общественной человеческой сущности, подобно тому как каждое несовершенство человека есть некоторая связь с небом - тот пункт, откуда сердце его доступно священнику; каждая нужда есть повод подойти с любезнейшим видом к своему ближнему и сказать ему: милый друг, я дам тебе то, что тебе нужно, но ты знаешь *conditio sine qua non*, ты знаешь, какими чернилами тебе придется подписать со мной договор; я надуваю тебя, доставляя тебе наслаждение), - для этой цели промышленный евнух приспособливается к извращеннейшим фантазиям потребителя, берет на себя роль сводника между ним и его потребностью, возбуждает в нем нездоровые вождления, подстерегает каждую его слабость, чтобы затем потребовать себе мзду за эту любезность. Чем беднее человек становится как человек, тем выше его потребность в деньгах, чтобы справиться с враждебными ему существами; а власть его денег находится в обратном пропорциональной зависимости к массе предметов производства; это называется так: его потребности растут по мере того, как прибывает сила денег. Потребность в деньгах, таким образом, есть единственная действительная потребность, как результат экономических законов, и эта единственная потребность все больше становится их главным и единственным мерилем. Человек, подчиненный своим отчужденным потребностям, - это уже не человек ни в духовном, ни в телесном смысле... это всего лишь самодельный и сознающий себя товар. Этот человек-товар знает только один способ отношений с внешним миром: когда он его имеет и потребляет. Чем больше степень его отчужденности, тем больше потребление и обладание становятся смыслом его жизни. Чем ничтожнее твое бытие, чем меньше ты проявляешь свою жизнь, тем больше твое имущество, тем больше твоя отчужденная жизнь... И подобно тому как промышленность спекулирует на утонченности потребностей, она в такой же мере спекулирует и на их грубости, притом на искусственно вызванной грубости их. Поэтому истинным наслаждением для этой грубости является самоодурманивание, это кажущееся удовлетворение потребности, эта цивилизация среди грубого варварства потребностей. История внесла лишь одну-единственную поправку в Марксову концепцию отчуждения: Маркс думал, что рабочий класс - это самый отчужденный класс и потому освобождение от отчуждения должно обязательно начаться с освобождения рабочего класса. Маркс не мог предвидеть масштабов массового отчуждения, которое охватило большую часть человечества; тем более он не мог предвидеть, что настанет день, когда огромная (и все возрастающая) часть населения попадет в зависимость не от машин, а станет объектом манипулирования со стороны других людей и их символов. Например, служащий, посредник, представитель фирмы, менеджер сегодня - это же люди еще более отчужденные, чем профессиональный рабочий. Деятельность рабочего еще в какой-то мере является выражением его личных способностей (ловкости, надежности и т. д.), и у него нет необходимости продавать свою личность: свою улыбку, свое мнение и т. д. Людей, манипулируемых символами, только за то и берут на работу, что они привлекательны внешне, податливы, коммуникабельны и удобны для манипулирования. Они в прямом смысле могут быть названы словом человек-система, организованный человек, их идеалом является их предприятие. Что же касается потребления, то здесь нет разницы между чернорабочим и представителем бюрократии. Они все одержимы одной страстью: новых вещей, страстью понукать, приобретать и потреблять. Они все - пассивные потребители, обессиленные и повязанные теми самыми вещами, которые служат удовлетворению их неестественных потребностей. Они не состоят в творческих отношениях с миром; они поклоняются вещам и машинам, которые производят эти вещи, - и в этом отчужденном мире они чувствуют себя заброшенными и чужими. И хотя Маркс несколько недооценивал роль бюрократии, в целом его общая характеристика этого слоя абсолютно верна. Производство

Фромм Эрих Концепция человека у Маркса filosoff.org
производит человека не только в качестве товара, не только человека-товар, человека с определением товара, оно производит его, сообразно этому определению, как существо и духовно и физически обезчеловеченное. Маркс едва ли мог предвидеть, до какой степени становимся мы рабами вещей и обстоятельств, созданных своими руками; однако его пророчество сбылось сегодня полностью, неоспоримым доказательством чего является тот факт, что все человечество сегодня попало в плен ядерного оружия, которое также явилось когда-то продуктом рук и мыслей человеческих. Человек является также пленником политических институтов, которые сам же он создал. И сегодня запуганное человечество со страхом ждет, удастся ли ему спастись или оно все равно попадет под иго созданных им вещей, либо окажется жертвой слепых и бездумных бюрократов, которых сами же люди поставили над собой.
... ..

VII. СУДЬБА МАРКСОВЫХ ИДЕЙ. Если бы были правы те, кто утверждает, что идеи молодого Маркса, содержащиеся в Экономическо-философских рукописях 1844 года, зрелый Маркс отбросил как остатки идеализма, которому он был обязан гегелевской школе, то наше изложение марксистских понятий природы человека, отчуждения, деятельности и так далее было бы односторонним и во многом ошибочным. Если бы они были правы, то можно было бы сказать: мы предпочитаем молодого Маркса старому и хотим строить социализм по молодому Марксу. К счастью, нет нужды делить Маркса на две части. Ибо на самом деле идеи Маркса о человеке от Экономическо-философских рукописей и до Капитала не претерпели серьезных изменений. Сначала посмотрим, кто же усматривает наличие неразрешимых противоречий между взглядами молодого и старого Маркса. Этот взгляд принадлежит в основном русским коммунистам, и они не могут мыслить иначе, ибо их мышление, их политическая и социальная система во всех отношениях чужды духу Марксова гуманизма. В их системе человек – слуга государства и производства, а не высшая цель всей общественной деятельности. Цель Маркса – развитие индивидуальной человеческой личности – в советской системе социализма отрицается еще больше, чем в современном капитализме. Материализм коммунистов гораздо ближе стоит к механическому материализму буржуазной эпохи XIX в. (против которой выступал Маркс), чем к историческому материализму Маркса. Компартия СССР высказала свое мнение по этому поводу, когда Дьердь Лукач (который первым оживил гуманизм Маркса) в 1924 г. бежал в Россию от нацистов и там его принудили признать свои ошибки. Эрнст Блох, написавший блестящую книгу Принцип надежды (1959), в которой он также делал акцент на Марксовом гуманизме, был подвергнут серьезным нападкам со стороны Компартии СССР, несмотря на многие похвалы в адрес КПСС, содержащиеся в его книге. Кроме коммунистов такую же мысль высказал недавно и Даниэл Белл, заявивший, что в Экономическо-философских рукописях изложены взгляды лишь раннего Маркса. По его мнению, хотя это кажется и очень привлекательным, но утверждать, что гуманистические идеи составляют сердцевину Марксова мировоззрения, – это означает продолжать мифологизацию его творчества. Нельзя не согласиться с тем, что классические интерпретаторы Маркса (будь то реформисты типа Бернштейна или ортодоксы типа Каутского, Плеханова, Ленина, Бухарина) не только никогда не считали гуманистическую проблематику в наследии Маркса центральной, они вообще не придавали ей существенного значения. Это явление можно объяснить двумя обстоятельствами. Первое состоит в том, что Экономическо-философские рукописи были опубликованы впервые лишь в 1932 г., а до этого были неизвестны даже в рукописи. Второе заключается в том, что Немецкая идеология в полном объеме (без сокращений) увидела свет также лишь в 1932 г., да и первый сокращенный вариант был опубликован только в 1926 г. (под ред. Д. Рязанова – в 1928г.). Эти два факта вызвали целую массу искажений и односторонних интерпретаций Марксова наследия. Но и это обстоятельство (незнание до 20-30-х годов XX в. работ Маркса) отнюдь не достаточное объяснение того, что Марксов гуманизм был предан забвению классическими интерпретаторами. Ведь Капитал, Критика гегелевской философии права (1844) и многие другие работы Маркса дают достаточно оснований для обнаружения его гуманистических идей. Более убедительным является объяснение такого забвения тем, что в философском мышлении очень долго (еще со времен жизни самого Маркса и до 20-х годов XX в.) господствовали идеи позитивизма и механицизма, которые оказали влияние на таких мыслителей, как Ленин и Бухарин. Кроме того, не следует забывать, что сам Маркс, как и все классические марксисты, органически не переносил таких понятий, которые имели хоть малейший привкус идеализма и религии, ибо они были совершенно уверены, что эти понятия долгие годы использовались для вуалирования основных фактов экономической и социальной реальности. Марксова нетерпимость к идеалистической терминологии становится еще более понятной, если вспомнить, что его корни восходят к глубоко спиритуалистской традиции

Фромм Эрих Концепция человека у Маркса filosoff.org
(хоть и в ее атеистическом варианте), которая простирается не только до трудов Спинозы, Гете и Гегеля, но еще глубже – вплоть до мессианских пророков. Такие же идеи были ясно выражены у Сен-Симона и Мозеса Гесса; они, безусловно, составляли весомую долю среди философских идей социалистов XIX в. и даже в философском мышлении XX в. вплоть до первой мировой войны (например, Жан Жорес). Гуманистическая традиция, в которой жил еще Маркс и которая была почти полностью задушена духом механистического материализма в период расцвета индустриализма, ожила вновь (хоть в несколько ограниченном виде) у отдельных мыслителей в конце первой мировой войны и с новой силой во время и после второй мировой войны. Дегуманизация человека, связанная с ужасами сталинизма и гитлеризма, жестокие слепые убийства в период войны и плюс к тому все возрастающее обезчеловечение, вызванное к жизни бюрократизацией жизни и отчуждением труда в организованном обществе потребления, – все это вело к новой акцентировке гуманистических идей. Другими словами: выраженный Марксом, Кьеркегором и Ницше протест против отчуждения, который перед лицом успехов индустриализма звучал несколько приглушенно, приобрел небывалую мощь и привел к новой оценке Маркса в тот момент, когда господствующая система обанкротилась. Эта новая оценка была сделана с учетом Маркса в целом, то есть на основе его гуманистической философии. Здесь надо добавить еще имена югославских коммунистов, которые первыми заявили о своем интересе к личности (в противовес русским коммунистам, у которых на первом месте всегда была государственная машина централизма и бюрократизации) и развернули систему децентрализации и индивидуальной инициативы. В Польше, ГДР и Венгрии политические выступления против русских также были тесно связаны с идеями гуманистического социализма. Во Франции, Западной Германии и отчасти в Англии идет сейчас оживленная и грамотная дискуссия о Марксе. Из немецких авторов я назову лишь протестантских теологов (Фетчер), а французская литература еще обширнее и принадлежит перу как католиков (Ж. Ж. Кальвез), так и марксистов и немарксистов (А. Лефевр, Навиль, Л. Гольдман, А. Кайре, Ж-П. Сартр, М. Мерло-Понти). Новая волна марксистского гуманизма вспыхнула в англоязычных странах в связи с публикацией английского перевода Экономическо-философских рукописей. В США самые крупные работы с анализом понятия Марксова гуманизма принадлежат Герберту Маркузе (Reason and Revolution) и Рае Дунаевской (Марксизм и свобода). Указание на вышеприведенные факты (например, на то, что русские коммунисты были вынуждены проводить грань между молодым и старым Марксом) и перечисление имен серьезных авторов, выступивших против этой позиции русских, еще не является доказательством того, что русские (и Д. Белл) не правы. Попробую кратко показать, в чем ошибочность этой позиции. Имеются некоторые факты, которые при поверхностном анализе вроде бы подтверждают взгляд коммунистов. Так, в Немецкой идеологии Маркс и Энгельс уже не пользовались понятиями род и человеческое существо, которые были использованы в Экономическо-философских рукописях. Кроме того, позднее, в Предисловии К критике политической экономии, Маркс писал, что они с Энгельсом решили вместе разработать свои взгляды в противовес идеологии немецкой философии и тем самым свести счеты с нашей прежней философской совестью. Некоторые считают, что это сведение счетов с прежней философской совестью означает, что Маркс и Энгельс отказались от основных идей, высказанных в Экономическо-философских рукописях. Но даже беглое чтение немецкой идеологии показывает, что это мнение ошибочно. Хотя здесь и не используются некоторые понятия, типа человеческое существо, но важнейшие идеи Экономическо-философских рукописей находят здесь свое продолжение, и прежде всего – концепция отчуждения. В немецкой идеологии отчуждение объясняется как результат разделения труда, которое ведет к противоречию между интересом отдельного индивида или отдельной семьи и общим интересом всех индивидов, общающихся друг с другом. Нетрудно доказать, что понятие отчуждения определяется теми же словами, что и в Экономическо-философских рукописях.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!